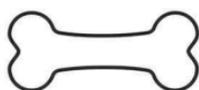

«Моя собачка, сердце, бьющееся у моих ног».

Эдит Уортон

МАРГО

Марго Миллвуд больше любила кошек, чем собак. К несчастью, никто не потрудились объяснить это ее коту Перси.

Похоже, никто не объяснил и бывшему бойфренду Марго, Джорджу, что после двухмесячного расставания им нужно возобновить отношения. Поэтому, когда Джордж пригласил ее выпить после работы в небольшом фешенебельном баре в Кингс-Кросс, Марго фантазировала себе встречу, плавно перетекающую в ужин, за которым он признается, что, подобно ей самой, изучил предложения на сайтах знакомств и понял: им было не так уж плохо вместе.

Марго жестоко ошиблась. Не успела она сделать первый глоток джина с тоником, как Джордж протянул ей пухлую хозяйственную сумку.

— Я нашел у себя кое-какие твои вещи. Сумку оставь себе. Я тороплюсь. У меня планы на вечер.

— Планы? — удивленно переспросила Марго, заглядывая в сумку. Почти пустой тюбик тонального крема, красные кружевные трусики — она в жизни таких не носила. Так и подмывало отдать их Джорджу, язвительно прокомментировав, но Марго побрезговала взять чужое белье: неизвестно, чистое оно или нет.

— Это не...

— В общем, извини за спешку, — перебил ее Джордж. — Ты наверняка тоже не хочешь вновь обсуждать, почему мы расстались и все такое.

Он торопливо отхлебнул несколько больших глотков модного крафтового лагера из местной пивоварни.

Марго, никогда не отступавшая перед трудностями, охотно приняла вызов.

— Мы расстались, потому что через два года отношений ты оказался не готов даже поговорить о создании семьи и обрушил на меня это признание в мой тридцать шестой день рождения.

Она поняла, что до сих пор не оправилась от удара.

— Только потому, что во время праздничного ужина ты предложила — нет, потребовала, — чтобы я немедленно сделал тебе ребенка. Я даже меню прочесть не успел, — обиженно произнес Джордж.

В сумочке зазвонил телефон. Марго не стала брать трубку.

— Я не требовала, чтобы ты сделал мне ребенка прямо в тот вечер. Просто сказала, что в тридцать шесть лет не могу принимать свою способность к деторождению как должное, — напомнила собеседнику Марго.

На телефон теперь пришло голосовое сообщение, а Джордж испустил тяжкий и громкий вздох.

— Наши пути разошлись, Марго, что толку ворошить прошлое, у каждого теперь своя жизнь.

Толку действительно никакого. Марго сцепила руки, чтобы не делать угрожающих жестов. Она тоже не хотела ворошить прошлое, просто решила дать Джорджу полезный совет.

— Так вот, когда у тебя появится новая женщина, ты ей сразу скажи, что категорически не хочешь иметь детей. Лучше признаться в самом начале, чем два года морочить ей голову лживыми обещаниями, — бесстрастным, почти не язвительным тоном произнесла Марго.

Телефон вновь зазвонил. Она опять не ответила: Джордж слишком уж старательно прятал глаза.

— У тебя кто-то есть.

Она не спрашивала, а констатировала факт. Джордж кивнул.

— Ну и что? Кто мне запретит? — упрямо заявил он. — Не хочешь ответить на звонок?

— Не волнуйся о моих звонках, — сказала Марго. — Просто не надо вводить людей в заблуждение. К тридцати пяти годам...

— Способность женщины к оплодотворению вдвое сокращается, — подхватил Джордж. — Ты мне это говорила раз пятьсот, не меньше.

Старания Марго так и не возымели желаемого эффекта. Джордж лишь изрекал всякие банальности: что она будет прекрасной матерью, надо просто повременить годик-другой и дожждаться повышения, чтобы купить дом для гипотетической семьи, создавать которую он, как выяснилось, не стремился.

— Я просто советую. Ради твоей новой подруги.

Никто не скажет, что Марго чужда женская солидарность.

— Тебе не стоит об этом переживать, а Кэсси тем более, — сказал Джордж, не осознавая, что выпячивает от гордости грудь, как зажиревший голубь.

— Как я понимаю, твоей Кэсси и тридцати нет.

Фальшиво скромная улыбка Джорджа лишь подтвердила очевидное.

— Ей двадцать шесть.

Джорджа ничуть не смущало, что он встречается с девушкой на пятнадцать лет моложе. Скорее, наоборот.

Телефон зазвонил в третий раз — теперь как нельзя более кстати.

— Извини, я должна ответить. Похоже, что-то срочное, — сказала Марго, вставая.

Она схватила кардиган, сумочку и принесенную Джорджем сумку.

— Рада была увидеться. Пока!

Как назло, ручка сумочки зацепилась за спинку стула, и пока Марго ее высвобождала, телефон замолчал, что позволило Джорджу не только сказать последнее слово, но и вынести нелестное суждение о ее характере.

— Знаешь, Марго, я всегда надеялся, что мы преодолеем наши разногласия, но ты немного чересчур.

Марго сначала опешила, а потом разозлилась. В молодости она бы изо всех сил постаралась соответствовать ожиданиям, а теперь любила себя такой, как есть.

— Нет, это ты чересчур, — прошипела она и бросилась к выходу, на ходу доставая из сумочки вновь звонивший телефон.

Когда Ричард Бартон впервые увидел Элизабет Тейлор, он тоже сказал, что она чересчур, хотя имел в виду скорее положительные качества: остроумие, потрясающую фигуру и божественные фиалковые глаза. А Джордж — Марго наконец признала, что его безвольный подбородок говорит о слабости характера, — имел в виду, что она слишком требовательна, эмоционально зависима и безнадежна. Марго так не считала, хотя время действительно уходило, а перспективы серьезных отношений становились все туманнее.

— Да! — рывкнула она в трубку.

Звонили со скрытого номера — скорее всего, дурацкая реклама или мошенники с другого континента хотят выведать ее персональные данные.

— Алло, — неуверенно отозвался женский голос. — Я уже полчаса пытаюсь вам дозвониться. По поводу кота. Кажется, вы называете его Перси.

— Я называю его Перси, потому что это его имя, — как можно спокойнее произнесла Марго. — Это вы его украли?

Она привыкла, что Перси держится от нее подальше. Если честно, он едва выносил ее присутствие. Прощаясь где-то всю ночь, кот приходил домой и истошным голосом требовал еды. Как она мечтала, что-

бы Перси хоть разок положил на порогдохлую птицу или полуживую мышшь — знаки любви, которые получали от своих кошек ее друзья!

Марго не сдавалась перед трудностями и продолжала любить своего Перси. Подруги называли его заносчиком за коварную привычку нападать на хозяйку. Он смотрел умоляющим взглядом, терся о ноги, требуя ласки, даже начинал мурлыкать, если Марго щекотала его за ушком. А стоило ей утратить бдительность, Перси шел в атаку, пуская в ход зубы или когти, а в особенно неудачные дни — и то, и другое. Любить Перси означало всегда помнить о прививках от столбняка.

Последние месяцы Перси отсутствовал все чаще и при этом изрядно растолстел. Марго поняла, что он нашел новых друзей, и прибегла к отчаянным мерам. Пока удалось прикрепить к ошейнику записку, она чуть не истекла кровью.

«Всем, кто это прочтет.

У Перси есть дом, его любят, и он очень хорошо питается. Пожалуйста, не впускайте его к себе и не кормите. Если нужно его забрать, мой номер телефона на ошейнике».

— Мы его не крали, — возмущенно произнесла женщина. — Он сам к нам постоянно приходит.

Сообразив, что фактически дело обстоит именно так, поскольку чужой кот находится у нее дома, незнакомка вздохнула.

— Послушайте, вы придете за ним?

Больше всего на свете Марго хотелось попасть домой, переодеться в уютную пижаму и погрузиться об окончательном разрыве с Джорджем. Может, даже заплакать. Не из-за того, что у Джорджа появилась новая любовь — двадцатипятилетняя девушка, которая еще долго не выйдет из благоприятного для деторождения

возраста, а просто потому, что никак не удастся встретить нормального мужчину, готового к серьезным отношениям.

Так нет же: пришлось схватить переноску, пачку вкусняшек, толстое махровое полотенце и идти забирать мерзкого социопата из роскошной викторианской виллы, которыми славится Хайгейт.

Марго провели в обширную гостиную свободной планировки с двумя настоящими каминами, над одним из которых висела репродукция Уорхолла «Портрет Мао», и гигантским угловым диваном, который занял бы всю ее квартиру. На нем сидели две девочки — приблизительно четырех и шести лет, которым давно следовало бы спать, а между ними уместился Перси в детском чепчике. Он сознательно игнорировал настоящую хозяйку.

— Просто прекратите впускать его в дом, — сказала Марго измученной женщине, которая открыла дверь и представилась как Фэй, и ее не менее измученному мужу по имени Бенджи.

На входе Марго столкнулась с няней, которая как раз уходила домой. Если у супругов есть няня, то почему у них такой изможденный вид?

— Перси — кот. Он наглый авантюрист и пользуется возможностями, но он мой.

— Его зовут не Перси, а Пончик, — вмешалась младшая девочка, пухлой ручкой обхватив Перси-Пончика за шею.

Сейчас будет кровопролитие.

— Если бы ему у вас нравилось, он бы не приходил к нам, — заметила ее старшая сестра, уставившись на Марго непроницаемым взглядом, под стать злобному выражению Перси, наконец обратившему внимание на свою законную владелицу.

Начальница Марго, Тэнси, отговаривала ее от приобретения черепахового кота.

— Все коты — сволочи, а черепаховые — самые отъявленные, — сообщила она Марго несколько лет назад, когда та просматривала сайты кошачьих приютов. Марго уже не раз пожалела, что не прислушалась к совету Тэнси, но сейчас не собиралась отдавать своего кота без боя.

Кровопротитие не заставило себя ждать, только пострадала не девочка, а Марго, попытавшаяся впихнуть кота в переноску. Чтобы свести риск к минимуму, она предусмотрительно накинула на Перси полотенце. К несчастью, тот сумел высвободить одну лапу и вцепился ей в правую руку, на которой уже присутствовали следы его когтей.

Девочки плакали. Фэй удалилась, заявив, что ей надо выпить, а Бенджи изумленно повторял:

— Это действительно ваш кот?

А чей же еще? Перси замыкал длинную вереницу мужчин, которые считали, что на других берегах трава зеленее, чем у Марго.

— Ладно, — сказала она, дождавшись возвращения хозяйки дома с аптечкой. — Знаете, что? Забирайте его.

Фэй и Бенджи приняли победу с достоинством, а младшая девочка, Элиз, даже заключила Марго в утешительные объятия. Фэй осторожно смазала царапины антисептиком, а Бенджи спросил, не нужно ли зашить рану. Все это время они называли ее Мардж, пока Марго не объяснила, что ее зовут Марго — Мар-го.

Мардж — синеволосяя героиня мультсериала, с которой Марго не желала иметь ничего общего.

Бенджи подвез ее домой — только ради того, чтобы забрать вещи Перси: когтеточку, кучу игрушек, безумно дорогой корм премиум-класса, кроме которого он ничего не ел. Марго сложила все в коробку, отказалась от предложенных денег и, едва закрыв дверь, приняла решение, что отныне будет любить не кошек, а собак.

УИЛЛ

Роланд носил черные водолазки, свободные светлые брюки и очки в роговой оправе. Летом и зимой, в любую погоду он был неизменен: водолазка, брюки, очки и бесстрастное лицо.

Уилл приходил в кабинет на Килберн-Парк-Роуд раз в неделю уже целый год, но ни за что не узнал бы Роланда в толпе без черной водолазки и очков в роговой оправе. Наверное, так и задумано.

Его вернул к реальности голос психиатра.

— Уверены, что хотите сделать перерыв?

— Не перерыв. Я хочу прекратить сеансы, — твердо сказал Уилл, невольно съеживаясь под бесстрастным взглядом Роланда. — Я с самого начала планировал, что дам себе ровно год, чтобы решить свои проблемы.

Он немедленно пожалел о своих словах.

— Решить проблемы? — задумчиво спросил Роланд, взглянув на него поверх очков. — А разве в начале самого первого сеанса мы с вами не обсуждали, что поддержание душевного здоровья — длительный, постоянный процесс?

— Да, но я отвел себе один год, — напомнил Уилл.

Благодаря Роланду он больше не чувствовал неловкости, если приходилось настаивать на своем.

— Я предпочитаю целенаправленный подход. Я добился своих целей и намерен двигаться дальше.

В Нью-Йорке я знал людей, которые ходят к психотерапевтам годами, десятилетиями, и этому не видно конца.

Уилл не стал добавлять, что такое существование едва ли можно было назвать нормальным, потому что психотерапия, вместо того чтобы помогать этим людям, вторгалась во все аспекты их жизни.

— Вы действительно многого добились, — признал Роланд. — Прodelали грандиозную работу, и я говорю это не ради красного словца. Не так просто добраться до воспоминаний, лежащих столь глубоко.

Именно поэтому Уилл считал, что заслуживает освобождения за хорошее поведение. Год назад он представлял собой бледную тень, жалкое подобие человека. Изможденный, выгоревший, ни на что не годный. А теперь? Ему еще предстояло многое понять о себе, но он знал, что стал другим человеком.

— Мне значительно лучше.

— Панические атаки прекратились?

— Несколько месяцев назад.

— И ваш врач разрешил отказаться от приема антидепрессантов?

— Да, — кивнул Уилл. — Около пяти месяцев назад я начал постепенно уменьшать дозу, а два месяца назад полностью прекратил прием.

— И вы готовы создавать эмоциональные связи, которых не хватало в вашей жизни?

Естественно, Роланд оставил самый трудный вопрос напоследок.

— Мне сейчас не до эмоциональных связей, есть более важные дела.

Роланд опустил глаза в блокнот с записями.

— Погодите. Насколько я понимаю, все это время мы работали именно над этим: нехватка эмоциональных связей, неспособность вступать в серьезные, глубокие отношения.